

УДК 81'367.335.2

К ТИПОЛОГИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Валерий Александрович Мишланов
профессор кафедры общего и славянского языкознания
Пермский государственный университет
614016 Пермь ул. Революции, д. 58, кв. 75. mishl@psu.ru

В статье рассматриваются принципы типологии изъяснительных конструкций, основанные на динамическом (деривационном) подходе. Сущность динамического подхода состоит в том, что при описании структуры и семантики сложного предложения учитывается его деривационная история, т.е. деривационная связь со смежными (эксплицитными или имплицитными) компонентами текста. Дается трактовка одного из ключевых понятий динамического синтаксиса – дезактуализации предложения. Показано, что динамический подход обладает рядом преимуществ по сравнению с традиционным (статическим) описанием структуры предложения.

Ключевые слова: синтаксис сложного предложения; синтаксическая деривация; изъяснительные конструкции; принципы классификации; гипотактические показатели; дезактуализация предложения.

Изъяснительные сложные предложения (СП), без преувеличения, образуют обширнейший и сложнейший – во всех отношениях – разряд полипредикативных конструкций, являющийся настоящим вызовом синтаксисту (если использовать образное выражение Ю.Д.Апресяна, назвавшего в одной из своих работ глагол *быть* «настоящим вызовом лексикографу» [Апресян 1995: 511]). Профессор Т.В.Шмелева в разговоре с автором этой статьи заметила, что изъяснительные конструкции типологически и семантически столь разнообразны, что могут рассматриваться как модель всей системы гипотаксиса того или иного языка, как своего рода полигон для проверки концептуальных основ и методологического инструментария синтаксиста.

Изъяснительные сложноподчиненные предложения (СПП) в своем ядре образуют целостный класс, *конструктивно* противопоставленный другим разрядам СПП: наиболее контрастно – расчлененным конструкциям с детерминантной связью, а также относительным СПП, по особому – конструкциям с «вмещающим», по точному определению В.А.Белошапковой, Т-компонентом (с местоимением *то* в непередметном, точнее, в пропозитивном значении).

Изъяснительные СПП, далее, противопостоят иным типам гипотактических конструкций *се-*

мантически и даже *семиотически*. Главное предложение изъяснительной конструкции в *се-гда* включает *предикат ментального плана* и *пропозициональной установки*, т.е. предикат, имеющий обязательной валентностью пропозицию. Мы можем сколь угодно долго «нанизывать» друг на друга такие предикаты (*Иван полагает, что Мария не знает, что Петр уверен, что Владимир обрадуется, что...*), но рано или поздно придется закончить предложение «онтологической картинкой». Какое-нибудь *Иван знает, что Мария не догадывается, о чем думает Петр* также завершается «онтологической» единицей: последнее придаточное включает ментальный предикат с замещенной пропозитивной валентностью (*о чем*). Если некоторый текст завершить изъяснительным предикатом, распространенным его (текста) первой пропозицией, возникнет «вербальный круг», подобный известной байке про попа и убитую собаку.

Синтаксическая зависимость изъяснительного придаточного отражает семиотическую иерархию компонентов высказывания, когда одна предикативная часть представляет собой некоторую ментальную реакцию на содержание другой части, образующей, таким образом, первичный уровень смысловой структуры.

Наиболее явно такая структура представлена в конструкциях с глаголами говорения, в которой главную предикативную единицу (ПЕ) можно определить как «сообщение о сообщении»: *Петр торжественно объявил, что надумал жениться.*

В предложениях с эксплицитным модусом (или с модальной предикацией в диктумной позиции, т.е. выражающей отношение не говорящего, а иного лица – участника описываемой ситуации) в главной части последняя представляет собой сообщение по поводу события, обозначенного в придаточном; ср.: *Я уверен (мне кажется, весьма вероятно, не сомневаюсь и под.), что Иван уже уехал.*

Во всех таких случаях принято говорить об одном и том же типе СП, выявляемом на основе синтаксической категории *изъяснительности*, которую синтаксисты нередко интерпретируют с помощью психологического понятия *рефлексии*. Так, рассуждая о природе изъяснительных отношений и об особенностях семантики СП с модусными предикативными частями, М.И.Черемисина и Т.А.Колосова заключают: «Модус – это вербализованная интерпретация диктумного события, которая может даваться в аспекте модальности... или в аспекте характера психической обработки представления (информации) о диктумном событии. Оба эти аспекта мы считаем возможным охватить понятием *рефлексия*». И далее: «Главная и зависимая части в этих [изъяснительных] конструкциях располагаются на разных уровнях рефлексии: диктумное событие вербализуется на первичном уровне, а факт рефлексии по этому поводу задает другой уровень, противопоставленный первому...» [Черемисина, Колосова 1987: 35, 36].

Предикат главной части изъяснительного СПП, действительно, оказывается *опорным* словом (трудно найти более удачное наименование для этого структурного компонента), поскольку от его лексико-синтаксических свойств зависят так или иначе почти все типологически значимые характеристики конструкций. Изъяснительный (точнее, изъясняемый) предикат, обозначая рефлексии того или иного типа, в соответствии с заданной коммуникативной перспективой мотивирует ход деривационных процессов и обуславливает способ подчинения.

Так, союз *чтобы*, являющийся знаком ирреального наклонения (оптатива), подчиняет некоторую пропозицию такой предикативной единице, которую можно определить как «сообщение о волеизъявлении», причем никакой другой гипотактический показатель не может связывать придаточное с предикатом подобной семантики.

Модальные союзы *будто бы*, *якобы* (последний – скорее аналог союза) противопоставлены

другим изъяснительным союзам тем, что они не могут подчинять пропозицию собственно перформативу или модусу (ср. невозможное: **Я говорю, якобы Петр взял книгу* – при допустимости в определенной ситуации какого-нибудь *Я говорил, якобы Петр взял книгу*). Очевидно, здесь имеет место такое же противоречие между перформативной рамкой и констативом, которое, анализируя причины невозможности высказываний типа *Я голословно заявляю, что ...*, обнаружил З.Вендлер [1985: 242-244] – с той, однако, разницей, что «подрывной фактор» в нашем примере находится в диктумной части высказывания.

Союз *как* определенно связан с перцептивными предикатами (*увидел, услышал, почувствовал*) и, можно думать, сигнализирует скорее о событийном значении придаточного (ср.: *Я видел, как Петр взял книгу* и *Я видел, что Петр взял книгу*, т.е. ‘Я видел и поэтому знаю, что...’ (о разграничении придаточных с событийным и фактуальным значением [см.: Арутюнова 1988]).

Быть может, изъяснительные конструкции как никакие другие нуждаются в особой методологии анализа, предполагающей выявление глубинных (семантических) структур и реконструкцию деривационной истории поверхностных структур. Поскольку такое описание строится с учетом синхронных синтаксических процессов, опирается на принцип деривации, такой подход следует определить как *динамический*.

Преимущества динамического описания покажут следующие примеры. При статическом подходе предложения *Я думаю, что Иван приехал* (1); *Я рад, что Иван приехал* (2) и *Неправда, что Иван приехал* (3) типологически не разграничиваются (они противопоставлены лишь лексической семантикой опорных слов), а между тем с синхронно-деривационной точки зрения они представляют различные типы.

Первое предложение относится к типу непроемных изъяснительных СПП – построений с эксплицитным модусом, а также образованных по этой модели конструкций с модальными или перформативными предикатами, употребленными как сообщения, т.е. в позиции диктума (*Он считает, что... Он просит, чтобы... и под.*).

Во втором предложении представлен тип конструкций с оценочными предикатами, в которых придаточная часть является *д е з а к т у а л и з а ц и е й* предшествующего высказывания с модусом утверждения.

Придаточные в изъяснительных конструкциях третьего типа (с «модусом опровержения») следует рассматривать как воспроизведение предложения, актуализованного в предшествующей реплике. Собственно говоря, конструкции этого

типа являются результатом компрессии неполной номинализации исходного изъяснительного СПП или – в живом диалоге – простого предложения с имплицитной перформативной рамкой ‘Я говорю, что...’; например: *Петр сообщает, что Иван приехал* / [‘Я говорю, что’] *Иван приехал* → ‘Утверждение Петра, что Иван приехал, неправда’ / ‘Твое утверждение, что Иван приехал, неправда’ → *Неправда, что Иван приехал*. Как видно, в конструкциях с «модусом несогласия» тема-рематический контур образуют не эксплицитные составляющие СП, а его главная часть, являющаяся ремой, фокусом контраста (*Неправда, что...*), и имплицитная вершина номинализованного изъяснительного СП, образующего смысловую структуру предшествующей реплики: ‘Утверждение (предположение), что Иван приехал, | есть неправда’. Модальная предикация получает здесь самодовлеющее значение, а диктумное придаточное оказывается своего рода цитатой и в норме вообще замещается анафорическим местоимением (*Это неправда; Я в этом сомневаюсь*).

Не всякое СПП, напоминающее по некоторым поверхностно-синтаксическим признакам изъяснительное, является таковым по своему значению. Без попыток реконструировать деривационную историю предложений как компонентов связного текста (а в этом и состоит суть динамического подхода к синхронному синтаксису) трудно провести границу между конструкциями относительного подчинения с речемыслительными предикатами в главном предложении и изъяснительными СПП с интеррогативами (с К-местоимениями в роли гипотактического показателя).

Дело в том, что опорные слова изъяснительных конструкций могут выступать как предикаты с предметными актантами. Имеется в виду особая разновидность изъяснительных СП, в которых придаточное в целом или один из актантов предиката получает конкретную референцию, как и в случае с местоименно-соотносительными СП, за пределами своей структуры (ср.: *Он рассказал о том, что вечером приходил Иван* и *Он рассказал о том, что произошло вечером; Он сообщил о том, кто приходил вечером*). Конструкции этой разновидности можно назвать изъяснительно-вопросительными.

Покажем структурно-семантические различия между относительными и изъяснительными СПП на примере омонимичных конструкций. Омонимия возникает тогда, когда глаголы речемыслительной семантики употребляются, так сказать, в «неизъяснительной» позиции, иначе говоря, в коммуникативной ситуации, не связанной с вопросительными суждениями, с ко-

торыми деривационно могут соотноситься придаточные предложения. Так, предложение *Иван сказал [то], что думал* в принципе допускает двоякую трактовку: 1) ‘то, что Иван сказал, тождественно тому, что он думал’ (например, в ситуации, предполагающей сообщить, скрыл ли Иван правду); 2) ‘Иван сообщил, что он думал [по известному участникам общения поводу]’. Во втором случае имеется деривационная связь с вопросом, реальным, или подразумеваемым, прогнозируемым одним из участников коммуникации (*Что думал Иван [по известному поводу]?*), входящим, в свою очередь, в другой вопрос, мотивирующий порождение анализируемого предложения: *Сообщил ли Иван, что он думает [по известному поводу]?*

Причиной двузначности является не столько семантика глаголов речемыслительной деятельности, сколько омонимия гипотактических показателей – К-местоимений (заметим, что этой омонимии не было бы, если бы в русском языке, как, например, в старославянском, в роли относительных слов выступали I-местоимения, входящие в состав скреп типа *иже, еликъ* и под.). Если верно, что К-слово в относительных структурах восходит к неопределенным местоимениям¹, а в изъяснительных – к вопросительным, то окажется, что действительной причиной омонимии является общий компонент семантики неопределенных и вопросительных местоимений, предопределивший использование в функции гипотактических показателей одних и тех же слов. Г.Пауль в связи с этим писал: «Насколько мне известно, у нас нет критерия, который позволил бы определить, какая из двух функций этого типа слов является первоначальной. Мы легко можем представить себе, что функция выражения неопределенности возникла из вопросительной. Однако может быть и обратное...» [Пауль 1960: 160] (о полемике на этот счет см.: [Майтинская 1969: 230-234]).

Семантические (функциональные) различия между неопределенными и вопросительными местоимениями после превращения их в гипотактические показатели несколько не стерлись, даже усилились, ибо в составе относительной конструкции К-местоимение получает значение анафорического, утрачивая, таким образом, функциональную связь с соответствующим вопросительным словом, точнее, с кванторным местоимением (аналогом квантора существования), употребляющимся в повествовательном высказывании. В конструкциях относительного подчинения Т-компонент (обязательный в книжной речи) не только помечает синтаксическую позицию придаточного в структуре главного предло-

жения, но и связано анафорическим отношением с К-местоимением подчиненной ПЕ, т.е. семантически тождественно ему; ср.: *Он рад тому, о чем услышал* = *Он рад тому известию, о котором услышал*; *Он рад тому, кто пришел* = *Он рад тому человеку, который пришел*; *Передай ему то, о чем я сказал тебе вчера* = *Передай ему ту новость, о которой я тебе сообщил*.

В вопросительно-изъяснительных СПП Т-слово (как правило, факультативное) служит знаком синтаксической позиции, замещаемой придаточной частью. Появляется Т-местоимение при предикате главного предложения (при опорном слове), судя по всему, по аналогии с конструкциями относительного подчинения. По наблюдениям исследователей, в современном разговорном языке в союзных изъяснительных конструкциях Т-компонент становится все более употребительным. «Модуль *о том, что* осознается говорящими в качестве универсального консинтаксического средства, организующего СПП. Его особое удобство заключается, во-первых, в независимости от специфики и валентности конкретной лексемы (достаточно того, что она входит в группу с определенной категориальной семантикой), во-вторых – в вытекающей отсюда свободе функционирования, в-третьих – в том, что он служит еще и сильным средством проекции – сигналом обязательно следующего придаточного, то есть помогает не только говорящему – организовать, но и слушающему – воспринимать речевое построение» [Дымарский 2008: 334].

Но, помечая синтаксическую валентность изъяснительного предиката, Т-слово не связано – подчеркнем это – с К-местоимением придаточного предложения ни синтаксически, ни семантически. Т-слово акцентирует подчинительную связь между сказуемым (опорным словом) и придаточной частью в целом, при этом категориальная семантика К-слова совершенно не зависит от семантики Т-местоимения, как это имеет место в конструкциях относительного подчинения; ср.: *Он спросил о том, что произошло вчера / кто приходил вчера / когда приходил Иван / почему приходил Иван* и т.п.). Ничего похожего на анафорическую связь в изъяснительных конструкциях, естественно, нет.

Рассмотрим здесь еще один «переходный» случай. К периферии изъяснительного типа (к «зоне переходности» между изъяснительными и каузальными СП) синтаксисты относят предложения с предикативной конструкцией, внешне совпадающей с главным предложением изъяснительного СПП (т.е. с оценочным предикатом), и придаточной частью, присоединяемой посредством каузального (обычно условного) союза [см.:

Грамматика 1980: 481; Андрамонова 1982: 123]; например: *Хорошо, когда яблоки свежие*; *Я люблю, если яблоки свежие* и под. Можно допустить, что такого рода предложения являются трансформами собственно каузальных СПП (вида *Я люблю яблоки, когда они свежие*; *Яблоки хороши, если они свежие*), т.е. каузальными конструкциями, порождаемыми по образцу изъяснительных (*Хорошо, что яблоки свежие*; *Мне нравится, что яблоки свежие*).

Предикат *хорошо* в каузальном и изъяснительном предложениях имеет различные смыслы. В изъяснительной конструкции это слово является модальным оператором, в каузальной – «сенсорно-оценочным» предикатом. Означенные различия проявляются, например, в таких перифразах: *Яблоки вкусны, ароматны, когда они свежие* – при невозможности **Яблоки плохи, когда они свежие*; но *Плохо, что яблоки свежие* – в определенной ситуации; **Вкусно, ароматно, что яблоки свежие* – *Ароматно* (например, в доме), *когда яблоки свежие*. Надо полагать, в предложениях типа *Хорошо, когда зима*, в отличие от *Хорошо, что зима* [примеры из: Арутюнова 1988], предикат главной части выражает «сенсорное» значение (ср.: *Красиво, когда зима*), а не модальное (ср. также: *Нам хорошо, когда зима*, при невозможности субъектного распространения в изъяснительном СПП – **Нам хорошо, что зима*).

В изъяснительных СПП, как уже было сказано, обнаруживается отношение, термины которого локализуются на разных уровнях (сообщение о событии и сообщение об отношении к этому событию). Каузальная связь между ПЕ, находящимися «на разных уровнях рефлексии» (по выражению М.И.Черемисиной) невозможна, хотя в значении подобных предложений обнаруживается мотивация отношения, выражаемого аксиологической предикацией (каузальное отношение – мотивировка оценки – в действительности устанавливается между придаточным и перформативной составляющей, образующей с оценочной ПЕ имплицитное изъяснительное СПП: «Я говорю-оцениваю, что хорошо, что...»). Специфика изъяснительной связи накладывает ограничения на объективную модальность придаточного при аксиологическом предикате: оно не может относиться к плану ирреальности, поскольку оценочное сказуемое принадлежит к семантическому разряду «фактивных» предикатов [Kiparsky, Kiparsky 1970], при которых в качестве подчиненной может быть только предикация, отвечающая условиям истинности; ср. некорректные высказывания: **Хорошо, что он сдал бы экзамен*; **Хорошо, что он сдаст экзамен*, где форма будущего времени глагола, по-видимому, долж-

на быть интерпретирована как синтаксическое ирреальное (условное) наклонение.

В конструкциях с каузальными союзами связь между ПЕ следует квалифицировать, на наш взгляд, именно как каузальную. В предложениях вида *Хорошо, если он сдаст экзамен; Я буду рад, если он сдаст экзамен* подчинительная связь выражает отношение между «одноуровневыми» сообщениями о двух событиях, при этом несущественно в данном случае, что одно из этих событий относится к «миру вещей» (что и не обязательно, кстати сказать), а другое к ментальному миру. Оценочная ПЕ в каузальных бинамах всегда отделена от собственно модуса, ср.: *Мне кажется, я буду рад, если Петр сдаст экзамен* (высказывания типа **Мне кажется, я рад, что Петр сдал экзамен* выглядят весьма необычно). В каузальных предложениях предикаты *хорошо* (*плохо*) тождественны выражениям типа *Я буду рад* (*огорчен*); они не являются модальными операторами, как в изъяснительных СПП, а выполняют функцию предиката, характеризующего некоторый субъект.

Динамический подход к типологии сложного предложения предполагает выявление мотивов и описание механизмов образования полипредикативных конструкций в процессе текстопорождения. Строго говоря, СП и в диахронии, и в синхронных процессах возникает по единственному лингвистическому мотиву: вследствие стремления говорящего эксплицитно и оптимально выразить некоторый смысл – то, что заключено в *факте объединения* пропозиций в глубинной структуре текста. Однако сама эта глубинная объединенность предикативных компонентов текста имеет различные основания.

По особенностям отношений, образующих смысловые структуры сложных предложений, можно выделить три мотивационных класса.

1. Конструкции реляционной мотивации, соотносимые с семантическими структурами, образуемыми логическими связями пропозиций друг с другом, а также с модусными и перформативными составляющими (например, СПП с отношениями обусловленности, изъяснительные СПП с предикатами речемыслительной семантики и др.).

2. Конструкции текстовой мотивации, порождение которых продиктовано потребностями организации связного текста. Здесь стоит различать две разновидности:

2.1. СПП с дезактуализованными ПЕ, в которых синтаксическая связь отражает вхождение дезактуализованного предложения в тема-рематический контур актуального (в этот класс входят, в частности, изъяснительные СПП с оценочными предикатами, часть СПП с отно-

сительным подчинением, конструкции с «вмещающим» Т-компонентом).

2.2. Сложные предложения, содержательно равные сверхфразовому единству (*Мы вышли на дорогу, которая привела нас к заброшенной избушке; Под вечер мы выбрались из леса, что придало нам сил*).

Изъяснительные конструкции входят как в первый мотивационный класс, так и в первую разновидность второго класса. Поэтому будет нелишним хотя бы коротко остановиться здесь на понятии дезактуализации – важнейшем, как представляется, понятии динамического синтаксиса.

Дезактуализацией можно назвать совокупность синхронных синтаксических процессов, обеспечивающих развертывание связного текста. В общем виде она представляет собой преобразование предикативной единицы в непредикативную (сопровожаемое почти обязательной формальной компрессией, по выражению Л.Н.Мурзина, т.е. сегментным «сжатием»). Стоит подчеркнуть, что дезактуализация в нашем понимании не противостоит актуализации. Последняя вряд ли существует как некий особый процесс, дополняющий процесс обозначения события ориентацией в системе координат «я – здесь – сейчас» [Степанов 1975: 135-142]. Эти составляющие речемыслительного процесса можно разделить лишь умозрительно и благодаря тому прежде всего, что в реальном текстопорождении *имеют место процессы дезактуализации*. Мы не можем представить дело так, будто некая пропозитивная структура в процессе актуализации превращается в предикативную единицу. Высказывание не актуализуется, оно актуально по определению. Как пишет Е.В.Падучева, «не существует такого момента, когда предложение, уже построенное, включается в речевой акт и актуализуется» [Падучева 1985: 41]. Актуальное высказывание в некотором смысле непроизводно, оно порождается целостно в данный момент речемыслительного процесса. Другое дело, что оно может включать дезактуализованные ПЕ, транспонированные из «предтекста».

Синтаксические единицы, представляющие пропозицию вне модуса (например, номинализации или причастные конструкции), всегда вторичны, производны. Любое поверхностно-синтаксическое представление пропозиции, не являющееся автономным высказыванием, можно деривационно связать с актуальным предложением, но в норме никакое актуальное высказывание не восходит к дезактуализованному предложению. Стоит подчеркнуть, что механизмы дезактуализации ПЕ включаются тогда, когда с коммуникативной точки зрения замена предика-

тивной конструкции анафорическим местоимением (*это*) оказывается недостаточной.

Замечу в связи с этим, что если выделять словосочетание как особую синтаксическую единицу, то необходимо выявить его типологически релевантные признаки, то, что позволяет осмыслить словосочетание как единицу, функции которой отличны и от функций предикативной единицы, и от функций слова (номинативной единицы).

Верно, что словосочетание есть строительный материал для предложения [Виноградов 1975: 231], но еще более верно утверждение, что предложение – это строительный материал для словосочетания. Мы можем построить массу предложений без словосочетаний (деривационно простых предложений), но нет непроемких словосочетаний (если только мы видим в них особую синтаксическую единицу). Всякое словосочетание деривационно сложнее простого неосложненного (в частности, не включающего словосочетаний) предложения, так как образуется оно (в процессе текстопорождения) из предложения. Всякое словосочетание поэтому пропозиционно, и если синтаксически связанные знаменательные слова не содержат пропозиции и не могут быть возведены к ПЕ, то это не словосочетание (как специфическая синтаксическая единица со своими функциями и своей деривационной историей), а органическая часть простого предложения.

Так, не являются словосочетаниями формы с личными глаголами (*читают сказку, читают с интересом*) – как раз по той причине, по какой не является словосочетанием ПЕ *дети читают*; не являются словосочетаниями адъективные обороты типа *полный душистого сена, готовый на все*, не являются словосочетаниями аналитические номинации типа *железная дорога, ...*, поскольку все перечисленные конструкции непропозиционны (кроме, конечно, ПЕ) и не могут быть возведены (в синхронии) к предложению.

Словосочетание как конструируемая, производимая синтаксическая единица и возникает в результате дезактуализации ПЕ в ходе развертывания связного текста, и в этом смысле словосочетание есть единица не столько синтаксиса предложения, сколько грамматики текста.

Дезактуализация предложения проявляется в виде по меньшей мере трех типов процессов: 1) номинализации, 2) атрибутивации, 3) перевода вопроса в новый контекст.

1. Номинализация есть преобразование (свертывание) тема-рематического бинорма в именную одночлен для перевода в субстантивную позицию (в позицию актанта) в составе

темы актуального высказывания; напр.: *То, что Иван опоздал, весьма огорчило Марию* (*Опоздание Ивана весьма огорчило Марию*). Как видно из примеров, в языке используется два способа номинализации – словообразовательный (полная номинализация, синтаксическая деривация по Е.Куриловичу) и синтаксический (неполная номинализация, синтаксическая деривация по Л.Н.Мурзину).

С точки зрения синтаксической деривации важно различать номинализации событийные и фактуальные (или, по определению Н.Д.Арутюновой, фактообразующие [Арутюнова 1988]). В первом случае результатом номинализации является выражение, обозначающее некий процесс (событие) в его физическом (пространственно-временном) проявлении; ср.: *Бег спортсмена вызвал аплодисменты зрителей* (при невозможности варианта **Тот факт, что спортсмен бежал, вызвал восхищение зрителей*); *Пение Марии было восхитительным*. Фактуальная номинализация обозначает некоторое событие как факт: *Тот факт, что спортсмен еще бежал, свидетельствовал о его огромной силе воли*; (*Пение Марии означало, что гости уже собрались*; ср.: *Тот факт, что Мария запела, свидетельствовал о том, что гости уже собрались* – при невозможности варианта **Чарующее пение Марии свидетельствовало о том, что гости уже собрались*).

Надо думать, в системе СПП ведущую роль играют именно фактуальные номинализации, в результате которых образуются особые сложно-подчиненные конструкции с гипотактическими скрепами типа *То, что...; Тот факт, что...; То обстоятельство, что...* Их нередко объединяют с изъяснительными структурами [Грамматика 1980: 472], но структурно-семантически и деривационно они представляют принципиально иной тип (о чем подробнее см.: [Мишланов 1996: 120-123]).

Номинализации, сохраняющие событийное значение исходной ПЕ, реализуются как полные, т.е. с помощью морфологических (словообразовательных) средств (*Иван был свидетелем прихода Петра; Приход Петра не ускользнул от внимания Ивана*). Возможен ли синтаксический способ «событийной» номинализации? Очевидно, событийное значение имеют изъяснительные придаточные, вводимые, *интеррогативами* (союзными словами, восходящими к вопросительным местоимениям), но возникают такие придаточные в результате третьего типа дезактуализации.

2. Перевод ПЕ в позицию определения, или атрибутивация: *События, которые взволновали Ивана, Марию совершенно не интересовали*

вали; То, что волновало Ивана, Марию было совершенно безразлично; Марию мало интересовали так взволновавшие Ивана события.

Атрибутивация осуществляется тогда, когда коммуникативные условия требуют, чтобы некоторый участник (партиципant) ситуации был определен (идентифицирован) посредством обозначения его как участника предшествующего события (ситуации). В этом случае используется обычно деривационные механизмы, с помощью которых между различными компонентами текста устанавливаются анафорические связи, в частности, механизм преобразования актуального предложения в относительное придаточное.

В известной мере любой определительный оборот можно считать результатом дезактуализации (атрибутивации) ПЕ, на что обратил внимание еще Г.Пауль [Пауль 1960: 165]. В этом случае также используется словообразовательный и собственно синтаксический способы (образование причастных оборотов и относительных предложений): *Мальчик, приехавший вчера...; Мальчик, который приехал вчера...*

Превращение конструкции с именным сказуемым в определительный оборот следует отнести к синтаксической деривации, не использующей морфологические средства; ср.: *Дом новый – Новый дом.*

3. Особый вид дезактуализации ПЕ обнаруживается в деривационных процессах, лежащих в основе порождения изъяснительных СПП с союзными словами (ср.: *Иван не понимал, что могло так взволновать Марию; Петр не знал, приехала ли Мария; Только Петр мог сказать, где в тот вечер была Мария* и под.). Во всех таких предложениях отражен перевод вопросительного суждения в новый контекст (обычно, в нарративный, но вполне возможен перевод в вопросительный же контекст, как, например, при порождении вопросительного высказывания *Иван знает, куда уехала Мария?*).

Итак, дезактуализация вопросительного предложения имеет место в процессах порождения изъяснительных конструкций с К-местоимениями или с частицей-союзом *ли*. Дезактуализация этого типа осуществляется как транспозиция прямого вопроса из имплицитной перформативной рамки 'Я спрашиваю' в предшествующем контексте в позицию актанта изъяснительного предиката нового высказывания (*Он осведомился..., Я спросил..., Он не ответил..., Иван знал..., Петр скрывал...* и т.п.). К-местоимение в изъяснительно-вопросительных СПП, сохраняя семантику вопросительного слова, превращается в гипотактический показатель (союзное слово).

Заметим попутно, что в деривационном механизме, обеспечивающем текстопорождение, по видимому, отсутствуют процессы образования деепричастных оборотов (которые можно было бы назвать адвербиализацией ПЕ). Деепричастные обороты в литературном (книжном) языке употребляются главным образом для выражения таксисных значений одновременности или предшествования (в этой функции они, судя по всему, заимствованы из церковнославянского языка) и не могут быть осмыслены как результат дезактуализации предшествующего предикативного компонента связного текста.

Придаточные предложения, будучи неполными номинализациями, в принципе свободно преобразуются в обороты с полными номинализациями (при отсутствии словообразовательных препятствий): *Все началось с того, что Петр опоздал → Все началось с опоздания Петра.* Что касается изъяснительно-вопросительных СПП, то относительно свободно в простое предложение могут быть преобразованы только конструкции с «*ли*-придаточными», и то при условии, что в роли опорного предиката употреблен вопросительный перформативный глагол. В иных случаях возникает омонимия, вне контекста разрешаемая явно не в пользу интеррогативных конструкций. Например, какое-нибудь *Петр не знал о приезде Ивана*, по всей видимости, будет осмыслено скорее как «обычное» изъяснительное предложение (*Петр не знал, что Иван приехал*), а не как результат преобразования конструкции с дизъюнктивным вопросом (*Он не знал, приехал ли Иван*).

Изъяснительные СПП с К-местоимениями способны изменяться по образцу полной номинализации только при некоторых особых условиях; ср., например: *Петр спросил, когда приезжает Иван / где встречаются друзья / кем был вызван этот переполох → Петр спросил о времени приезда Ивана / о месте встречи друзей / о виновнике этого переполоха.* Как видно из примеров, придаточное предложение номинализуется в том случае, если в структуре главной части в его позиции может быть поставлено существительное, именуемое ту же семантическую область, что и К-местоимение: *когда – время, где – место, чем – средство, орудие, почему – причина, для чего – цель* и т.п. Стоит добавить, что номинализация придаточных с местоимением *кто* предполагает дополнительные семантические условия – наличие таких смысловых отношений, которые допускают подстановку в позицию придаточного существительных типа *виновник, исполнитель, автор* (в их лексической семантике имеется сема 'каузатор', отсутствующую

щая в семантике слов типа *человек, особа* и др. обобщенных имен, соответствующих одушевленному К-местоимению).

В следующей статье мы рассмотрим основные типы и разновидности изъяснительных конструкций, опираясь на принципы намеченной здесь динамической типологии СП.

¹ Из существующих в историческом синтаксисе гипотез о происхождении относительных К-местоимений наиболее достоверной представляется точка зрения, впервые высказанная, по-видимому, С. Дложевским [Дложевский 1915: 12], согласно которой относительная функция К-местоимений развивается из употребления последних в неопределенном значении; см. также [Вондрак, 1915: 48; Мишланов 1986].

Список литературы

Андрамонова Н.А. Сложные предложения с неглагольной главной частью (на материале обстоятельственных конструкций) // *Переходность в системе сложного предложения современного русского языка.* Казань, 1982. С.121-129.

Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // *Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография.* М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С.503-537.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.* М., 1985. С.238-250.

Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетания // *Исследования по русской грамматике. Избр. труды.* М., 1975. С. 231-253.

Вондрак В. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915.

Дложевский С. Проблема возникновения относительных предложений в латинском языке // *Университетские известия.* Киев, 1915, N4. Ч.2. С. 1-19.

Дымарский М.Я. Конкуренция иннективного и коннективного начал в синтаксисе: модуль *о том, что...* // *Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века: Материалы Всероссийской научной конференции.* СПб.: САГА, 2008. С. 329-335.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969.

Мишланов В.А. Об этимологии относительных местоимений (опыт деривационного анализа) // *Деривация и семантика. Слово – Предложение – Текст.* Пермь, 1986. С.23-36.

Мишланов В.А. Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. Пермь, 1996.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. II.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975.

Черемисина М.И. Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987.

Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // *Progress in linguistics.* The Hague-Paris, Mouton. 1970. P.143-173.

ON THE TYPOLOGY OF A COMPOUND SENTENCE: SEMANTIC AND STRUCTURE FEATURES OF THE EXPOUNDING CONSTRUCTIONS

Valery A. Mishlanov

Professor of General and Slavic Linguistics

Perm State University

The article describes the expounding compound constructions principles of the typology, based on dynamic (derivation) approach. The essence of the dynamic approach is that in describing the structure and semantics of the complex sentence its derivational history is taken into account, i.e. derivational relationship with the related (explicit or implicit) components of the text. The definition of one of the key concepts of the dynamic syntax – sentence de-actualisation – is proposed. It is shown that the dynamic approach has several advantages comparing to the traditional (static) description of the sentence structure.

Key words: syntax of a complex sentence; syntactic derivation; expounding compound constructions; principles of classification; hypotactic indicators; sentence de-actualisation.